

- Теория глокализации и проблема сущности локальной культуры
- Сетевой дискурс в философии: история и современность

УДК 130.2 + 316.72

Теория глокализации и проблема сущности локальной культуры

С. В. Донских, кандидат культурологии, доцент*

В статье рассматривается новое для белорусской науки понятие «глокализации», предложенное современным английским ученым Роландом Робертсоном. Раскрывается его эвристический потенциал и обосновывается необходимость его рецепции в рамках изучения этносоциальных, культурных и конфессиональных процессов в современном обществе.

Theory of Glocalization and Problem of Essence of Local Culture

S. V. Donskich, PhD., Associate Professor

The reception of the Roland Robertson's concept of glocalization in to the Belarusian social and human science is described in the article. The author outlines ways and forms in the reception new look at the global — local interaction.

Для отечественной социально-гуманитарной науки понятие «глокализации» является относительно новым, слабо инкорпорированным и практически не тематизированным в актуальные научные разработки и дискуссии. Это вполне объяснимо с исторической точки зрения. Новый этап в развитии белорусского социально-гуманитарного знания пришелся на 90-е гг. XX — начало XXI в. и был связан с осмыслением и утверждением «белорусского национального дискурса». Для обоснования этого дискурса были предложены две ключевые парадигмы, которые, по их теоретическим основаниям, можно условно обозначить как «этно-лингвистическую» (альтернативную) и «социально-политическую» (официальную). В обоих случаях новый «белорусский национальный проект» рассматривался в контексте пришедшей на смену советскому марксизму методологии цивилизационного подхода. В результате белорусские ученые не сразу обратили внимание на феномен и дискурс глобализации, которая оказывает все более заметное влияние на разнообразные социально-культурные процессы, далеко выходя за свои первоначальные экономические и политические рамки. Начавшийся в 2008 г. мировой финансово-

экономический кризис не поставил под угрозу сам глобализационный процесс. Под вопросом оказались лишь темпы и бонусы глобализации. Зато проявились пути вхождения в глобальный мир. Стало вполне очевидно, что большинство стран будет интегрироваться в глобальное пространство более или менее монолитными блоками — регионами. В этой связи проблема демаркации регионализма и цивилизационного подхода, несомненно, станет актуальной для социогуманитарных исследований.

Господствующий на рубеже XX—XXI в. цивилизационный подход имел свои неоспоримые плюсы. Значительное внимание стало уделяться «внеэкономическим» факторам социально-культурной интеграции, проблемам культуры и духовности в целом. Снимался имплицитно заложенный в марксистской модели классовый антагонизм. Но в то же время цивилизационный подход абсолютизировал культурный релятивизм и ставил под сомнение возможности социально-культурного прогресса как такового. В рамках дискуссий о белорусской идее, белорусском пути и белорусской идентичности конца XX — начала XXI в. цивилизационный подход мог предложить лишь крайне контрпродуктивную модель Беларуси как страны-фронта, причем даже без какой-либо надежды на обоснование ее «культуротворческой

*Декан факультета туризма и сервиса Гродненского государственного педагогического университета им. Я. Купалы.

миссии». В укоренившейся вплоть до публицистики модели страны-фронтiera менялся лишь «вектор противостояния»:

- западный — в рамках «социально-политической» парадигмы, рассматривавшей Беларусь как западный рубеж восточнославянской, православной, «поствизантийской» цивилизации относительно «романо-германского, латинского Запада»;

- восточный — в рамках «этно-лингвистической» парадигмы «белорусского национального проекта», рассматривавшей Беларусь — ВКЛ как форпост Европы против Востока. В последнем случае даже не упоминалось, что речь шла все-таки о «европейском Востоке» с очевидными эллинистическими, византийскими корнями [1].

В результате белорусским ученым-гуманитариям оказалось сложно предложить государству адекватные новому этапу социально-экономического развития Республики Беларусь социально-культурные модели и теории, которые могли бы отражать и стимулировать многовекторность и конструктивный потенциал белорусской внешней политики. Рецепция цивилизационной модели в духе О. Шпенглера — С. Хантингтона объективно не в состоянии помочь в продуктивном диалоге Беларуси с государствами Ближнего и Дальнего Востока, Африки и Латинской Америки. Однозначно негативно детерминирует цивилизационный подход и восприятие феномена глобализации. Хотя глобализация не является панацеей от всех проблем и конечным идеалом развития человечества, очевидна необходимость для любого современного государства адаптации к глобализации и рецепции ее достижений в тех формах и объемах, которые необходимы для конкретного социума. Наконец, следует подчеркнуть, что цивилизационный подход по своей сути имеет весьма «антинациональный характер». Он редуцирует особенности конкретного национального проекта к особенностям той цивилизации, в рамках которой этот национальный проект сформировался. Целое полностью детерминирует свои части. Любое национальное самоопределение в рамках подобного нарратива производится за счет отнесения к той или иной цивилизации. Очевидно, что для стран, чей военный и/или экономический потенциал, а также демографические особенности не позволяют претендовать на место «центра», цивилизационный подход есть путь к обоснованию и принятию своего места как периферии или, в лучшем случае, полупериферии той или иной цивилизации [2].

Альтернативы цивилизационному подходу стали обосновываться в рамках исследований глобализации в конце XX в. Одной из них стала теория глокализации, предложенная современным ан-

глийским ученым, профессором Питтсбургского университета Роландом Робертсоном. В ходе многолетних исследований особенностей и последствий глобализации он серьезно усомнился в правомерности тезиса о глобализации как процессе «умаления, попрания и ассимиляции локального». По мнению Робертсона, если глобализация есть завершение «проекта модерн» и переход его в новое качество, то следует признать, что модернность действует по-разному в различных «локальностях». Для Робертсона очевидно, что локальное — это зачастую не отставшее, регрессивное, но производное от транснационального или суперлокального. Глобализация не может снять противоречия между «гомогенным — гетерогенным», «универсальным — партикулярным» в пользу гомогенного и универсального. Наоборот, она может добиться успеха лишь посредством адаптации к локальным формам бытия культуры, к местным традициям и даже за счет их «экспорта» в другие страны и регионы. Поэтому глокализация есть неизбежная обратная сторона глобализации. Проводя параллель с немецкой культурфилософской традицией XIX — первой половины XX в., противопоставлявшей культуру и цивилизацию, Робертсон отмечал, что «глокализация есть вызов культур современной унифицирующей глобализации» [3].

Затрагивая вопрос об этимологии понятия глокализации, Робертсон отмечает, что это своеобразное наложение двух терминов-антонимов: глобализация + локализация = глокализация. Но содержание понятия глокализации пришло в европейские языки из японской бизнес-лексики. Изначально в японском языке существовало понятие «dochaku» — «жить самому в своей земле». В 60—70-х гг. XX в., во время успешной экспансии японских корпораций на мировых рынках, среди японских менеджеров появился термин «dochakuka» — «делать что-либо по туземному». Это оказывалось зачастую более эффективным, чем унификация, способом ведения дел и способствовало утверждению японских компаний на новых рынках. Таким образом, ради достижения успеха в глобальном масштабе глокализация стремится не к унификации и ассимиляции локального, а к его интеграции и адаптации к глобальному контексту. Предложенная Робертсоном стратегия существования и осмысления локального в глобальном мире была положена в основу трехлетнего исследовательского проекта, результаты которого были изложены в коллективной монографии «Многолика глобализация. Культурное разнообразие в современном мире» (под редакцией П. Бергера и С. Хантингтона). Это исследование хотя и показало более разнообразные модели

адаптации и интеграции регионов в глобальное пространство, но в целом не вошло в противоречие с подходом Р. Робертсона [4].

В своих положениях и выводах Робертсон принципиально расходится с «пророком либеральной глобализации» Ф. Фукуямой, для которого, помимо национализма и фундаментализма, не осталось иных альтернатив гомогенизирующей глобализации. Как справедливо отметил Робертсон, либеральная демократия, национализм и религиозный фундаментализм везде в мире проявляются лишь в определенных локальных формах, а не как нечто неизменное, раз и навсегда данное. В подтверждение этой точки зрения достаточно сослаться на футурологические исследования Джона Нейсбита и Томаса Фридмана, отметившие разнообразие локальных форм глобализации даже относительно США, где глокализация в ряде штатов вылилась в «депрессивный локальный колорит», породив ксенофобию по отношению к более успешным мигрантам и «дальневосточным тиграм», а не ожидаемый энтузиазм по поводу американских успехов в либеральном и демократическом глобальном мире [5].

Представляется, что предложенная Робертсоном и развитая Бергером модель глокализации нуждается в дальнейшем теоретическом развитии. Во-первых, очевидно, что невозможно сводить уровни социально-культурного взаимодействия универсального и партикулярного полюсов современного мира только к двум: глобальному и локальному. Налицо новая иерархия социально-культурного пространства XXI в., предполагающая, как минимум, четыре таксонометрических уровня:

- глобальный, относящийся к феноменам и трендам общепланетарного масштаба и не всегда правомерно отождествляемый собственно с глобализацией;
- региональный, артикулирующий себя посредством разнообразных форм современного регионализма: от экономических и политических объединений типа Европейского союза, НАФТА, АСЕАН или СНГ до конфессиональных форумов и туристических регионов;
- национальный, который, несмотря на высказанный Ульрихом Беком скепсис относительно будущего национальных государств в глобализованном мире ТНК и влиятельных международных организаций, по-прежнему является базовой формой социально-культурной интеграции в широком смысле этого слова;
- локальный, представленный регионами в рамках национальных государств, а также разнообразными «субнациональными» пограничьями и приграничьями.

Предложенная иерархия требует конкретизации в плане взаимосвязи современного регионализма и цивилизационного подхода. Очевидно, что в большинстве «эмпирических случаев» интересы «экономической геополитики» явно преобладают над теорией цивилизаций (ЕС, НАФТА, СНГ и даже АСЕАН). Например, в состав Европейского союза входят как страны классического «фаустовского типа культуры», так и «поствизантийские» Болгария и Румыния. Важную роль в рамках АСЕАН играет бесспорно «западная» с цивилизационной точки зрения Австралия. Поэтому отождествлять регионализм и цивилизационный подход даже на уровне «эмпирически схваченной» рабочей гипотезы не представляется возможным. Современные миграционные процессы, многочисленные диаспоры и интенсивные процессы межкультурного взаимодействия делают цивилизации скорее идеальными социокультурными типами, нежели эмпирическими феноменами. Вероятно, что в лице регионализма мы имеем дело с «постглобализационной теорией», а в цивилизационном подходе — с «доглобализационной теорией».

В данном контексте становится очевидным, что локальная сторона предложенной Робертсоном глокализации имеет как минимум три модуса существования: региональный (метанациональный), национальный и собственно локальный (субнациональный). Соответственно, и взаимодействие глобального и локального должно протекать на трех уровнях со своими отличительными особенностями. Не следует забывать о других возможных пространствах социокультурного взаимодействия:

- региональное — национальное (актуальное для функционирования СНГ и Союзного государства Беларуси и России, а также для стран ЕС в контексте современных дискуссий и Евроконституции);
- региональное — локальное (актуальное для членов ЕС в рамках провозглашенного курса на «Европу регионов»);
- национальное — локальное (крайне важное в процессе формирования национальных государств).

Во-вторых, артикулированная Робертсоном глокализация есть, в первую очередь, модель идеального и положительного взаимодействия глобального и локального в современном мире. Теоретическая телеология глокализации исходит из убеждения, что каждой локальной общности, каждому локальному культурному пространству есть что предложить интересного (на уровне хотя бы вызывающей потребительский интерес экзо-

тики), экономически успешного и конкурентоспособного глобальному миру. Однако опыт первых десятилетий глобализации показывает, что далеко не все «локальные пространства» смогли успешно интегрироваться в «пространство глобализации». Следовательно, в феномене локального, взятого само по себе, нет ничего такого, что априорно должно привести к эффективной, взаимовыгодной интеграции локального и глобального. Вероятно, что каждый конкретный случай или модус локальности должен рассматриваться в контексте его адаптации к глобальному миру, что имплицитно задает постановку проблемы сущности локальной культуры сквозь призму ее идентификации.

Понятие идентификации в русском языке включает в себе семантический оттенок, на который редко обращают внимание, сближая по аналогии с классической европейской философией понятие идентификации с понятием тождественности (латинское «*identificare*» — «отождествлять»). Понятие тождества предполагает объективность и неизбежность соответствия мысли и вещи, представления о реальности и самой этой реальности. Понятие идентичности, произнесенное по-русски, воспринимается субъективно и вариативно. Здесь наши мысли и представления о предмете связаны с ним случайным, одним из возможных, а то и прямо злонамеренным образом. Правда, в этом есть и своя прелесть идентификации — можно стать тем, кем хочется: осознанно или подсознательно, а не пассивно отождествлять себя с чем-либо/кем-либо в силу неизбежности.

В классическом для социогуманитарного знания понимании идентичность является изначально социокультурным образованием. Индивид и социальная группа видят и, следовательно, формируют себя таким образом, каким их видят другие. Идентичность «конструируется» в пространстве социума и культуры. Это не исключает определенной свободы выбора и дистанцированности от внешних стереотипов, но сам факт подобной дистанции становится возможным лишь после интериоризации социальных ролей, культурных норм и ожиданий. Образно говоря, если отождествление можно уподобить «заданной самости», то идентификация есть «избранная и/или воображенная самость». Однако, детерминировав неким образом самость человека, идентификация неизбежно становится решающим фактором в определении его социокультурного бытия [6].

В данном контексте следует расширить предложенную последователями Робертсона схему генезиса локального как конструирования локального глобальным. Локальное не столько создается

глобальным, сколько позиционирует, идентифицирует себя относительно глобального. Если обратиться к предложенной выше «иерархии социокультурных пространств эпохи глобализации», то современное локальное, в узком смысле слова, должно идентифицировать себя относительно не только глобального, но также регионального и национального уровня. Хотя в последнем случае мы, как правило, имеем уже сложившиеся модели и стереотипы.

Таким образом, сущность локальной культуры определяется посредством «экстериоризации», задается извне глобальными, региональными и национальными импульсами. Это происходит контекстуально и событийно (в значении «со-бытия»: совместного, коррелирующего друг с другом, взаимодействующего и взаимосвязанного бытия здесь-и-сейчас). Но антропологически укорененный смысл подобной локальной идентификации относительно более высоких уровней иерархии социокультурного пространства всегда обретается посредством «интериоризации», посредством актуализации или рецепции определенных культурных традиций, которые дают максимальный эффект в контексте адаптации локального к глобальному.

В данном контексте «обретение себя» локальной культурой применительно к белорусскому опыту и задачам социально-экономического развития предполагает как минимум два уровня:

- национальный, относительно глобальных, региональных и инациональных акторов и пространств;
- локальный, относительно национального и локального «Другого», взятого как во внутреннем, так и во внешнем смысле.

Например, относительно национального уровня «локальной идентификации» в условиях поляризации Европы между североатлантическим и евразийским проектами весьма перспективным представляется позиционирование Беларуси как страны, сохраняющей «европейскую самостоятельность», открытую для диалога и чуждую колониального прошлого. Для собственно локального уровня более актуальным является «обретение себя» белорусскими областями относительно однозначно утвердившего свое экономическое первенство столичного региона.

Список цитированных источников

1. Бабкоў, І. М. Беларуская ідэнтычнасць: тэорыі «слабасці» і тэорыі «гераічнага супраціву» / І. М. Бабкоў // Диалог культур и перспективы социокультурной глобализации в современном обществе: сб. науч. ст. / редкол.: В. Ф. Мартынов (отв. ред.) [и др.] — Минск, 2005. — С. 77—83; *Культ-Сяльверстава, С. Я.* Беларусь на

мяжы стагоддзяў і культур: фармаванне культуры Новага часу на беларускіх землях (другая палова XVIII ст. — 1820-я гады) / навук. рэд. П. І. Брыгадзін. — Мінск, 2000. — С. 10—15.

2. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева. — М., 2006.

3. Robertson, R. Glocalization: Time — Space and Homogeneity — Heterogeneity / R. Robertson // *Global Modernities* / ed. by M. Featherstone, S. Lash and R. Robertson. — London, 1995. — P. 25—44.

4. Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона; пер. с англ. В. В. Сапова; под ред. М. М. Лебедевой. — М., 2004.

5. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма; пер. с англ. М. Б. Левина. — М., 2004; Нейсбит, Д. Мегатренды / Д. Нейсбит; пер. с англ. М. Б. Левина. — М., 2003; Фридман, Т. Плоский мир: краткая история XXI века / Т. Фридман; пер. с англ. М. Колополина. — М., 2006.

6. Донских, С. В. Модели идентичности в условиях модернизации пограничья Восточной Европы / С. В. Донских // Регионалистика: сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Ватыля. — Гродно, 2006. — С. 35—47.

Дата поступления в редакцию: 22.02.2009 г.